

УДК 327.51; 327.57

DOI: 10.31857/S2686673022090048

EDN: GVGIQI

Трансформации Трансатлантического сотрудничества: подход США и ФРГ к единству в НАТО (1981 г.)

А.А. Синдеев

Институт Европы РАН.

Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Моховая, д.11, стр.3В

Scopus Author ID: 57194104599 РИНЦ ID: 435817

ORCID: 0000-0001-5016-7931 e-mail: a_sin74@mail.ru

Резюме. На основе анализа западногерманских дипломатических документов изучены отношения между Соединёнными Штатами и Федеративной Республикой Германия в течение 1981 г., когда новая президентская администрация осуществляла ревизию и перестройку внешней политики и политики безопасности. В центре внимания – общий подход обеих стран к обеспечению единства в НАТО. Актуальность проблемы обусловлена часто декларируемым и «неожиданным» для потенциальных противников проявлением единства союзников в период современной трансформации Североатлантического альянса и очередного этапа украинского кризиса. В рамках историко-политологической методологии автор смог представить общий план и проблемы единства, рассмотреть суть взаимного давления в альянсе, проанализировать содержание уступок американцам, соотношение уступок и процесса поддержания единства, охарактеризовать влияние на единство стремления добиться приемлемого варианта равенства со стороны ФРГ, оценить роль максимальных американских «рамочных» требований к союзникам. Научное значение статьи состоит в том, что в ней высказаны двенадцать гипотез и поставлены шесть исследовательских проблем. Практическое значение статьи заключается в том, что автором предложены семь рекомендаций относительно возможностей воздействия на единство в НАТО. Статья носит дискуссионный характер.

Ключевые слова: США, ФРГ, НАТО, Трансатлантическое сотрудничество, солидарство, стратегия Запада

Для цитирования: Синдеев А.А. Трансформации Трансатлантического сотрудничества: подход США и ФРГ к единству в НАТО (1981 г.). США & Канада: экономика, политика, культура, 2022; 52(9):65-78. DOI: 10.31857/S2686673022090048

EDN: GVGIQI

Transformation of Transatlantic Cooperation: the Approach of the USA and Germany to Unity in NATO (1981)

Alexei A. Sindeev

Institute of Europe (Russian Academy of Sciences),

11-3B, Mokhovaya street, 125009 Moscow, Russian Federation

Scopus Author ID: 57194104599 РИНЦ ID: 435817

ORCID: 0000-0001-5016-7931 e-mail: a_sin74@mail.ru

Abstract: West German diplomatic documents related to relations between the United States of America and the Federal Republic of Germany in 1981 are analyzed. This year, as usual, the new US administration launched an assessment of US foreign and security policy. The focus of the article's analysis is the two countries' approach to unity in NATO. The topicality of the problem is beyond doubt, especially given the frequently voiced and completely "unexpected" unity of the alliance for potential opponents at the current stage of NATO transformation and in the Ukrainian crisis. Within the framework of historical-politological methodology, the author managed to present a general overview of NATO unity, to examine the nature of mutual pressure in the alliance and the content of common compromises. Connections between the compromises reached and the process of unity formation were shown. The problem was also examined, which influence on the unity and unity in NATO the striving for an optimal level of equality for the FRG has. The author was able to shed light on the role of the American framework demands against the Allies. The scientific meaning of the article consists in 12 hypotheses and 6 new problems, the in-depth analysis of which is still to come. The practical meaning of the article is represented by 7 recommendations that can affect the unity and unity of NATO. The article has a discussion character.

Keywords: USA, Germany, NATO, трансатлантическое сотрудничество, co-leadership, strategy of the West.

For citation: Sindееv A.A. Transformation of Transatlantic Cooperation: the Approach of the USA and Germany to Unity in NATO (1981). USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2022; 52(9):65-78. DOI: 10.31857/S2686673022090048 EDN: GVGIG

ВВЕДЕНИЕ

Трансатлантическое сотрудничество по своей природе подвижно, поэтому трансформации (системные и несистемные изменения) составляют содержание его «позитивного взаимодействия», к которому, среди прочего, относятся простоя ситуативная солидарность и более значимое единство.

В настоящее время о единстве в НАТО его участники говорят очень много, что делает данный феномен особенно актуальным и побуждает исследователей заняться им внимательнее.

Исходной гипотезой этой статьи стало предположение, что единство в НАТО, несмотря на отличающихся по силе и влиянию участников, должно развиваться в рамках какого-то общего подхода, поскольку в противном случае вряд ли вообще можно о нём говорить.

Хронологические рамки (1981 г.) обусловлены приходом администрации Р. Рейгана в Белый дом и традиционным для таких случаев знакомством с делами [Аничкин О.Н., 1981; Иванян Э.А., 1984; Никонов В.А., 1989].

Статья продолжает изучение сути и механизмов трансформаций в истории НАТО [Синдеев А.А., 2021].

ОБЩИЙ ПЛАН ЕДИНСТВА

Безальтернативность роли и места Соединённых Штатов в жизни союзников и партнёров создавала особые отношения и зависимости, которые канцлер

Г. Шмидт, якобы всегда «веривший» «в необходимость твёрдого и связующего альянса» [1: 69], характеризовал дуалистично.

В первом интерпретационном варианте речь шла об ориентации европейцев <...> «на американское лидерство» и о желании это лидерство «не почувствовать» [1: 690], иными словами – о настрое Западной Европы.

Исходным допущением второго варианта была большая, нацеленная на перестройку контактов и реализацию согласованных ранее «существенных западных позиций», дипломатическая игра, в которой «США [и сами] не должны производить впечатление, будто бы они вообще руководят» [1: 570].

Одним из средств ослабления чувствительности воздействия Соединённых Штатов становилось «просвещение» новых администраций о положении дел в Европе, поскольку «в конвое из 15-ти судов (намек на количество членов НАТО в то время. – А.С.) с каждой сменой капитана на одном из кораблей нельзя заставлять весь конвой следовать новым курсом; это опасно, так как Советский Союз годами придерживается одного курса» [1: 1146].

В случае с Р. Рейганом Федеративной Республике было важно утвердить представление о широком понимании безопасности и оборонной политики, о значении разнопланового влияния на СССР, о том, чтобы не допустить расширение зоны ответственности НАТО и о сбалансированном, не препятствующем успешному экономическому развитию, взносе в общую оборону.

По мнению Шмидта, «американское правительство [должно] <...> научиться тому, что оборонную политику можно строить не только на финансах. Нужен персонал, нужны мотивация, подготовка (*Ausbildung*). И лишь на четвёртом месте находится военная оснащённость» [1: 570].

В ином ракурсе, но в схожей логике выступал министр иностранных дел Г.-Д. Геншер, с точки зрения которого «нельзя позволить Брежневу играть роль ангела мира; его нужно заставить спуститься с небес на землю, за стол переговоров», так как «слабость воодушевляет диктаторов», а «твёрдость и готовность идти на переговоры – это часть [западной] концепции» [1: 364].

Впрочем, Шмидт, весьма не убеждённый в «чутье» склонного «к чёрно-белой живописи» Вашингтона, рекомендовал западноевропейским коллегам «вести себя не слишком громко (*cocky*)», «не слишком высовывать голову» [1: 69], но при этом активнее развивать натовский формат, направленный на усиление влияния европейских стран-участниц.

В контексте возможного присоединения Испании к альянсу федеральный канцлер, к примеру, заметил: «Вступление имеет преимущество: Испании не нужно будет больше опираться исключительно на США» [1: 567].

Начальные установки администрации Р. Рейгана внушали ФРГ осторожный оптимизм. Вспомним заявление государственного секретаря А. Хейга о работе в плановом консультативном режиме и его заверение, «что отношения между Бонном и Вашингтоном составляют основу западной безопасности». Без них она якобы вообще невозможна [1: 328].

Главным сцепляющим элементом единства был общий противник в лице СССР, которого администрация Рейгана не хотела «признавать равным себе на

международной арене (*weltpolitisch*) и предоставлять ему право голоса во всех мировых делах» [1: 1098], но который, несмотря на это, всё равно воспринимал себя «одним из гарантов европейской безопасности [и считал], что безопасность каждой европейской страны неделимо с [ним] связана» [1: 1169].

Ситуационным элементом единства часто выступала уверенность в собственных силах. Г. Шмидт, к примеру, полагал, что «Запад во всех сферах имеет лучшие карты»; ему «нужно только быть готовым сдавать» их [1: 356].

В ходе обсуждения конкретных вопросов единство переставало быть единым. Если 8 июля 1981 г. постоянный представитель Великобритании в НАТО сэра К. Роуз предлагал «оставить Советский Союз в неведении касательно <...> реакции Запада на случай нападения [на Польшу], но одновременно дать понять, что цена нападения будет высокой» [1: 1022], то постоянный представитель Франции К. Арно на том же заседании был менее категоричен. «Запад, – считал он, – должен избежать любого впечатления, будто бы он намерен раздувать костёр» [1: 1022]. Представитель США У. Беннет-младший был вынужден напомнить коллегам, что «меры Запада – это решающий фактор, чтобы удержать Советский Союз от нападения на Польшу» [1: 1023]. Да и «поставки оружия вновь считаются важными инструментами внешней политики» [1: 1099].

Не стоит забывать, что «требование усилить политическую и финансовую роль Германии в глобальной политике мирового порядка» автоматически соотносилось в ФРГ «со снижением профицитов в текущих балансах» [1: 590], вследствие чего союзники и партнёры по НАТО должны были, по мнению западногерманских политиков, решать, как долго они способны сохранять в своих рядах ослабленную в экономическом и финансовом плане страну.

Помимо временных затрат на согласование общей позиции, противоречий, вызванных одновременным удержанием США в Европе, сдерживанием их влияния и использованием освобождённых благодаря Америке национальных ресурсов, периодически возникали сомнения в готовности Вашингтона защищать «европейскую свободу» [см. в этом контексте: 3: 147-160].

Не стал исключением и приход в Белый дом команды Рейгана, который, с одной стороны, предсказуемо заявил о нежелании начинать военные действия, «если бы произошло советское нападение на Польшу» [1: 835]; с другой стороны – выразил сожаление, что при сооружении Берлинской стены был упущен исторический шанс «сломить её» [1: 835]. Г. Шмидт вряд ли понял различия между обеими ситуациями: ведь участниками выступали не входившие в НАТО ПНР и ГДР.

«Отложенная» готовность защищать настораживала, как и то, что внешнеполитические результаты в связке администрация – Конгресс были «не всегда предсказуемы», а «игроки внутри администрации <...> выделялись не согласованными друг с другом заявлениями» [1: 1102; см. подробнее: Bierganns С., 2021: 39-58].

Вышеизложенное позволяет изложить три гипотезы и поставить две исследовательские проблемы.

1. В истории НАТО всегда присутствовали опасения относительно позиции Соединённых Штатов. Западноевропейским союзникам Америки постоянно приходилось отвечать на вопрос «Что нужно (с)делать, чтобы (по)ладить с

США?», а значит – разрабатывать, поддерживать и корректировать национальные стратегии взаимодействия с Вашингтоном. Подчинение американцам и их доминирование в альянсе – наиболее простое, но отнюдь не единственно возможное результативное наполнение подобных стратегий. 7 октября Шмидт говорил «новичку» Миттерану, что «его опыт учит, как США чрезвычайно легко впадают из одной крайности в другую. Это представляет большую опасность для существования альянса» [1: 1537]. Через девять дней Рейган подтвердил правоту слов Шмидта, ответив на вопрос журналиста «об ограниченном применении ядерного оружия в случае конфликта с СССР»: «Честно говоря, я не знаю» [1: 1613; см. также: 2: 223-310].

2. Единство стран НАТО представляет собой сложный симбиоз национальных и межгосударственных взаимодействий с многочисленными ситуативными динамичными и статичными элементами и балансами. Если руководствоваться довольно простым определением внешней политики, данным тем же Рейганом 7 июля 1981 г. в Чикаго, то «использование здравого человеческого рассудка в обращении с друзьями и возможными противниками» [1: 1097] пришлось бы умножить на количество ситуаций, на общее число участников, на их интересы, ресурсы, важность и срочность (раз)решения проблем, то есть на кризисность и на плановость.

3. Процесс достижения баланса может не оставить времени на проверку его эффективности и усилить инерционность дальнейших политических шагов. Побочное влияние инерционности состоит в поддержании – через заикленность на себе – структур западного мира. При этом нужно понимать, что роль инерционной составляющей в средствах и подходах НАТО и в политике сохранения альянса окончательно не изучены ни историками, ни политологами.

4. Совершенно неясно, что произойдёт в ситуации «кипения» мира, или одновременного действия множества вызовов. Спешка при принятии решений и непродуманные последствия способны подорвать или (видо)изменить используемую годами модель достижения единства.

5. Современный вариант единства является продуктом эволюционирующего, но остающегося пока комфортным для Запада миропорядка.

ВЗАИМНОЕ ДАВЛЕНИЕ В БОРЬБЕ ЗА «ДВОЙНОЕ РЕШЕНИЕ»

Страны Запада привыкли существовать в условиях имеющегося в их пространстве комплексного давления. Для единства и сплочения взаимное (внутреннее) давление, по всей видимости, жизненно необходимо.

Дать чёткое определение данному давлению чрезвычайно трудно, поскольку в доступном для исследователей формате оно проявляется лишь эпизодически. Три гипотезы видятся нам наиболее перспективными: 1) «вызовы» продуцирует не только, а подчас и не столько, внешняя среда; 2) адресаты и сила взаимного давления различаются; 3) сначала придётся исходить по крайней мере из двух уровней.

На низовом уровне привычно «располагаются» собственные сторонники. Вспомним, как Шмидт увещевал социал-демократов касательно фронды по

«двойному решению»: «Каждый, – констатировал он, – кто теперь попытается поставить под вопрос или модифицировать "двойное решение", навредит альянсу <...>. Если Германию “вытеснят” в особое положение, то пострадает необходимая (*ausreichend*) оборона Запада» [1: 69].

На межгосударственном уровне оттачивается аргументация, соединяются в единое целое рекомендации и пояснения, звучат скрытые угрозы. Не делалось исключений и для Соединённых Штатов.

Тот же Шмидт многократно заявлял, что реализация «двойного решения» – это «тест на то, окажется ли альянс в состоянии перед лицом усиленной советской пропаганды реализовать однажды принятое решение <...>. Если реакция будет характеризоваться мягкостью и слабостью, то это станет решающим моментом в развороте к негативному проявлению в развитии альянса» [1: 356].

Показателен диалог, состоявшийся 3 мая 1981 г. между Геншером и Хейгом в Риме.

«На первой встрече стран НАТО, в которой примет участие новый американский министр иностранных дел, – предлагал Геншер, – необходимо подтвердить обе части "двойного решения" от 12 декабря 1979 г. <...> Будет неплохо сообщить, что Хейг проинформировал союзников о своих контактах с СССР, в которых обсуждалось продолжение встреч на уровне министров между Хейгом и Громыко в сентябре и выражено намерение начать формальные переговоры до конца года. Это три фразы» [1: 698].

Ссылаясь на коммюнике, одобренное Рейганом, Хейг возражал. Геншер не отступал и продолжал настаивать: будет «трудно объяснить нашей общественности, почему переговоры смогут начаться только в конце года. Напротив, если произвести на общественность впечатление, что в настоящее время осуществляются контакты, что Хейг и Громыко продолжают общение в сентябре <...>, то это понятная временная последовательность» [1: 698].

Хейг согласился на половинчатое решение: «Пусть, – заметил он, – журналист задаст мне вопрос, проходят ли подготовительные консультации с СССР перед моей встречей с Громыко. Я отвечу: "Да, конечно, подобные встречи уже состоялись"» [1: 698].

Несмотря на уступку, Геншер не ослаблял давление: «Формулировка о модернизации [в коммюнике] (имеется в виду заключительный документ официального заседания министров 4-5 мая в Риме. – А.С.), – утверждал он, – может быть понята в том смысле, что модернизация должна предшествовать началу переговоров. Нужно сказать, что незамедлительное продвижение модернизации – предпосылка реальных переговоров» [1: 699].

Хейг был вынужден вновь включиться в обсуждение и сделать ещё одну уступку: «Можно было бы сказать: "Модернизация ... является единственной основой"» [1: 699].

Двусторонние контакты с участием Рейгана больше пользы приносили американцам. Во время подобных встреч западноевропейским союзникам и партнёрам приходилось реагировать и на новые аргументы Вашингтона [Knüpfer, 2010: 25-28; Keller, 2008: 92-113].

Рассмотрим два примера «президентской аргументации» в контексте борьбы за «двойное решение». В первом случае американский президент обратил внимание собеседника на темы, обсуждение которых правительство США в силу особой роли страны в мире не может откладывать: «Американцы не отказываются, – говорил Рейган, – садиться за стол переговоров, но там нужно также говорить и на другие темы, например, о Польше, Афганистане и о советской готовности изменить некоторые свои практики» [1: 355].

Во втором случае, 19 июля на встрече «Большой семёрки», Рейган конкретизировал условия будущих переговоров с Москвой: «Мы хотим вести переговоры о контроле над вооружениями с Советским Союзом. Мы хотим не только ограничение вооружений, но и действительное, верифицируемое, сокращение вооружений. Эти переговоры не могут рассматриваться изолированно от развития, к примеру, в Анголе, Эфиопии и Афганистане. Сюда же относится и наша торговая политика по отношению к Востоку» [1: 1144-1145].

Не стоит забывать и другое эффективное средство взаимного давления – выражение сомнений: «Существуют сомнения в среднесрочной внутривнутриполитической возможности реализовать курс федерального правительства во внешней политике и политике безопасности, – писал руководитель постоянного представительства ФРГ в НАТО Х.-Г. Вик. – Появляются также сомнения в возможности преодолеть теперешнюю экономическую депрессию. Имеются сомнения и относительно того, насколько <...> реалистичны отдельные элементы наших представлений об отношениях Восток – Запад». Союзники рассчитывают на то, что ФРГ «возьмёт на себя дополнительные задачи в альянсе и лучше (*vollständiger*) выполнит согласованные (*eingegangen*) военные обязательства» [1: 450-451].

Альтернативной стратегией диалога с американцами становилось включение в дискуссию фундаментальных (системообразующих) тем и проблем, например, «борьбы за баланс», преодоление особого положения немецкого народа, которое не разрешает «прекратить торговлю с СССР» [1: 1145], опасности применения «евростратегического» ядерного оружия в Европе.

Вышеизложенное позволяет высказать три гипотезы и поставить две исследовательские проблемы.

1. Для сформировавшихся институциональных систем внешние вызовы и давление не всегда имеют доминирующее значение. Чем сильнее система и важнее для участников её сохранение, тем, по всей видимости, больше времени (даже в период кризиса) будет затрачено на выработку общей позиции, благодаря чему у стороннего наблюдателя может сложиться неверное представление о ситуативности действий альянса.

2. Взаимное давление позволяет договариваться. Результат договорённости часто оценивают как проамериканский, а доля иных стран – членов НАТО в компромиссе существенно преуменьшается. Подобная односторонность едва ли верна хотя бы потому, что масштабное изучение взаимного давления в НАТО, допустимых границ взаимодействия с США и полученных результатов до сих пор серьёзно не проводилось, а значит – двухуровневость также не стоит рассматривать в качестве окончательной модели.

3. В контексте взаимного давления единство может фиксироваться не только через итоговый результат, но и через процесс и средства его достижения, а значит, единство – это переменный в содержании, но постоянный в процессах и средствах поддержания феномен.

УСТУПКИ И ЕДИНСТВО

Взаимное давление продуцирует уступки. В августе – октябре 1981 г. Соединённые Штаты намеревались провести, в том числе, и за пределами стран НАТО, «крупнейший за последние годы морской манёвр». В 1980 г. была разработана Концепция морских операций (*Concept of Maritime Operations*), которую федеральное правительство одобрило в мае 1981 г. с максимально допустимой в таких случаях временной задержкой.

Участие в реализации концепции западных немцев предусматривало выполнение двух условий: 1) «военно-морские операции государств – членов НАТО вне области действия Североатлантического договора должны [были] осуществляться как действия суверенных государств, а не как действия альянса» [1: 1025]; 2) согласие не должно было носить «прецедентный характер» и впоследствии, при наступлении очередного повода или очередной ситуации, запрашиваться вновь.

В качестве обоснования указывалось на неукоснительное соблюдение Основного закона, поскольку манёвры «не считаются [военной] операцией» [1: 1026], следовательно, отсутствует связь с кризисными ситуациями.

Согласие, аргументировали чиновники Минобороны и МИД ФРГ, помогало развивать «германо-американские отношения» и пресечь упреки, будто бы Бонн является «выгодополучателем американского военного присутствия вне сферы НАТО» [1: 1026].

Кроме того, в расчёт были приняты «актуальные обстоятельства», так как «со времён Афганистана вопрос нахождения ВМФ ФРГ вне зоны ответственности НАТО [для американцев] весьма чувствителен» [1: 1026].

Пример с морскими манёврами 1981 г. показывает, что согласие не было полным, окончательным и безусловным; учитывались особенности собственной правовой системы; всесторонне взвешивались последствия; вводилась поэтапность; поощрялись иные форматы («действия суверенных государств»). Если абсолютизировать данный пример, то придётся подчеркнуть рациональный характер уступки.

Любопытно, что казуализация уступок поддерживала ситуативность в единстве. Очень хорошо об этом Шмидту сказал Миттеран: «Германия и Франция смогут правдоподобнее советовать американским соколам быть сдержаннее, если они в большей степени согласятся с американской программой вооружений и покажут, что не хотят принять риск оказаться слабыми в отношении СССР» [1: 1540].

Модель единства в уступках предполагает, по всей видимости, определённую замкнутость, разделение на «своих» и «чужих». Не этим ли обусловлены

непримиримость и нестигаемость её участников вне собственного «ценностного круга»? И не потому ли столь категоричны в своих политологических оценках сторонники постоянного давления со стороны США, уверенные в невозможности европейских партнёров как-то повлиять на стратегию НАТО?

А ведь та же Федеративная Республика, уступала не во всём и скорее для того, чтобы развивать союзничество, оставаться в постоянном диалоге с США и не уменьшать возможности давления. Впрочем, вспомним и об уверенности немцев, что «консолидированное, основанное на разумных аргументах, выступление Запада ещё никогда <...> не теряло своей эффективности» [1: 149].

О РАВЕНСТВЕ, ОТВЕТСТВЕННОСТИ И РОЛЯХ

Фундаментальные интересы и порождаемые ими роли, как правило, стабильны; текущие ситуации и интересы, наоборот – часто волатильны. Средние и малые страны (ФРГ не стала исключением) проявляют повышенную заинтересованность в фундаментальном и в равенстве.

В 1981 г. в контексте расширения равенства между американцами и немцами обсуждались совершенствование «совместного участия в рисках», непреложность связки «оборона – готовность вести переговоры», усиление «кооперации» с США, скрытой целью которой было удержать американцев в Европе.

В период холодной войны «европейский фронт» с перманентной опасностью прямого столкновения сверхдержав имел исключительное значение. Неслучайно в натовских кругах признавалось, что «польский кризис намного меньше можно было отделить от [конфликта] между Востоком и Западом, чем [ситуацию] с Афганистаном» [1: 2041].

Принимая в расчёт интересы и ресурсы Западной Германии, посол Вик считал, что от немцев «будет зависеть, функционирует ли альянс и какую ценность Соединённые Штаты отведут альянсу в рамках своей глобальной политики в будущем» [1: 1292-1293]. Именно поэтому он и предложил своей стране взять на себя роль «адвоката альянса», то есть «критически проверить представления и решения США на их эффективность в альянсе и для альянса» [1: 1293], «добиваться того, чтобы США в политике контроля над вооружениями, а также в конструктивном оформлении отношений между Западом и Востоком, видели не только» тактику [1: 1292]; повысить «значение концепции предотвращения войны через сдерживание» [1: 1293] и инициировать, когда это необходимо, обсуждение «признаков изменений» [1: 1293].

В администрации Рейгана всё чаще звучали голоса о необходимости быть готовым к длительной победоносной войне, что, по мнению западногерманской стороны, противоречило официальной натовской стратегии [1: 1295].

Одна из причин «изменений» в Вашингтоне заключалась, по Вику, в том, что США сделали «акцент <...> на ядерный потенциал и силы, улучшающие [их] глобальный подход к пониманию силы (*power projection*)» [1: 1291]. Из этого логично следовало и другое умозаключение: территория стран НАТО постепенно переставала быть единственной для реализации интересов Америки.

Впрочем, роль «адвоката» становилась реальной лишь после выполнения Федеративной Республикой всех взятых на себя финансовых обязательств.

С точки зрения Вика, роль «адвоката альянса» позволяла проявить «особую внимательность» в сохранении «своего политического пространства и обеспечении ... национальных интересов в сфере безопасности, к которым относилось и крайне доверительное партнёрство с США» [1: 1292].

Вышеизложенное позволяет высказать некоторые гипотезы и поставить две исследовательские проблемы.

1. Устойчивость единства зависит от достигаемого равенства, соотношения между реальной и желаемой ответственностью, намечаемыми и допускаемыми к исполнению ролями.

2. Обеспечение равенства, формирование ответственности, освоение и изменение ролей – длительные процессы. На начальной стадии истории любых институтов и в периоды трансформаций естественны разноголосица и споры, что заставляет серьёзное изучать системообразующие феномены и процессы.

3. Роли и ответственность, по всей видимости, постоянно переосмысливаются. С учётом того, что многое из предложенного Виком, актуально в настоящее время, можно предположить, что переосмысление проходит циклично. К сожалению, о данных циклах в НАТО известно очень мало.

4. Открытым остаётся вопрос о приоритетности европейских «вызовов» для всех государств – участников НАТО, иными словами – до какой степени сегодня получится «вырезать» неевропейские вызовы из деятельности НАТО.

АМЕРИКАНСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОЮЗНИКАМ

Ещё в 1980 г. администрация Дж. Картера, стремясь отреагировать «соразмерно военными методами на непредвиденные события <...> в отдалённых регионах мира» (прежде всего – в Юго-Западной Азии), приняла решение создать Объединённые силы быстрого развёртывания (*Rapid Deployment Joint Force*) с возможным подчинением командованию американскими вооружёнными силами в Европе, что позволило бы воспользоваться «отлаженными национальными и натовскими руководящими структурами <...>, [а также] легче привлечь <...> размещённый в Европе американский персонал» [1: 301, 303]. Администрация Рейгана поддержала данное решение.

По мнению МИД ФРГ, выход за область ответственности НАТО стал бы «политическим сигналом Москве, что США готовы действовать в районе Персидского залива», и привёл бы, к большему вовлечению европейских союзников в «столкновения на Ближнем и Среднем Востоке» [1: 238], к росту угроз в самой Европе.

Вашингтон обосновывал принятое решение необходимостью выполнить комплексную политическую, экономическую и военную задачу «получения нефти» и удержания СССР «от дальнейших военных действий» [1: 302]. При Рейгане речь пошла даже о том, чтобы «как можно быстрее доставить западные силы (выделено нами. – А.С.) в регион» [1: 1604].

В течение двух лет расходы на проект должны были составить примерно 4 млрд долл., благодаря чему вновь зазвучало требование разгрузить американцев и повысить финансирование обороны в государствах – членах НАТО. Возражения европейских союзников США объясняли не экономическими причинами, а отсутствием политической воли.

10 декабря Хейг категорично заявил: «Экономические трудности западных индустриальных стран не должны иметь никакого воздействия на внешнюю политику и политику безопасности партнёров по альянсу» [1: 1918].

Кроме того, администрации Картера и Рейгана дали понять, «что при планировании и проведении возможных операций <...> будут задействованы сухопутные войска, ВВС и ВМФ с предусмотренным подчинением НАТО» [1: 303], а «европейским союзникам» придётся «соответствующим образом нарастить собственные усилия в деле обороны» альянса, а именно: 1) выделить «в области сухопутных войск 18 новых бригад»; 2) предоставить «в области воздушных сил около 350 боевых самолётов и 70 перехватчиков»; 3) передать в распоряжение НАТО «на случай кризиса часть гражданских судов» и «около 30 дополнительных боевых кораблей» [1: 304].

К концу года США запросили «усиленную морскую и воздушную поддержку, укрепление военных контактов (*Besuche*) и совместных тренировок с государствами региона, усиленную экономическую помощь, право пролёта и условия для дозаправки, размещение широкофюзеляжных самолётов и настройку пропускных способностей для морского транспорта, усиление обороноспособности в зоне ответственности НАТО» [1: 1604].

Обязательство направить НАТО десять дивизий в течение десяти дней было обременено условием роста инфраструктурных расходов.

Детализация дополнительных требований Соединённых Штатов выглядела следующим образом: продолжить изучать <...> «укрепление боевой поддержки»; перепроверить возможности «отдельных стран, выделенные НАТО морские и воздушные транспортные мощности»; повысить «расходы на инфраструктуру для складирования военного материала и боеприпасов, а также на ремонтные и амортизационные базы»; предоставить «дополнительные резервные сухопутные силы» и расширить «запасы боеприпасов и возможности развёртывания для боевых самолётов»; провести «интенсивную дискуссию на различных натовских форумах о возможности вести операции вне зоны ответственности» [1: 1604-1605].

Вышеизложенное позволяет высказать три гипотезы.

1. Расширение зоны интересов США в мире заставляет европейских союзников активизироваться: им приходится брать на себя дополнительные обязательства в НАТО. АУКУС и «глобальную НАТО», по всей видимости, нужно рассматривать в этом контексте [ср.: Гарбузов, 2001; Осипова, Рогов, 1981].

2. В рамочных требованиях варианты участия конкретной страны остаются обсуждаемыми, а значит – механизмы взаимного давления, согласования равенства, ролей, уступок и перераспределения ответственности продолжают работать.

3. Максимальные рамочные требования поддерживают единство. В результате формируется общий подход и, по всей видимости, улучшается институциональная выживаемость, что, впрочем, не делает систему полностью защищённой.

КАК МОЖНО (ПО)ВЛИЯТЬ НА ЕДИНСТВО?

Для ответа на этот вопрос необходимо:

Во-первых, осознать, что влиять не получится, поскольку трансформационные процессы запускаются внутри институциональных структур, а повлиять удастся.

Во-вторых, учесть состояние интеллектуальной культуры элит отдельных стран. Вспомним принцип Рейгана, заимствованный им у президента Джефферсона: «Если изложить проблему пахарю или профессору, то в девяти из десяти случаев пахарь решит дело правильно, потому что простой пахарь в своём здравом суждении ещё никем не был введён в заблуждение» [1: 1608]. При такой установке будет услышан упрощённый («здравый») дискурс пахаря с системной аргументацией профессора, если расставить приоритеты в ней предельно ясно.

В-третьих, найти ответы на нерешённые исследовательские проблемы, часть из которых поставлена в статье.

В-четвёртых, помнить, что в той же Германии «политику [в сфере безопасности и обороны] внутриполитически труднее защитить (*absichern*)» [1: 591], а указание на «моральные традиции и силы Америки» [1: 1606], свободу и ценности продолжает играть важную роль в обосновании сотрудничества.

В-пятых, исходить из того, что единство нужно каждый раз по-новому подтверждать через солидарность, а нарабатанная инерционность способна помешать гибкости.

В-шестых, использовать закономерности, к примеру, границы потенциальных уступок. С помощью анализа эмпирического материала возможные варианты уступок легко просчитать заранее.

В-седьмых, критиковать фундаментальное через ситуативное. Если открыто и аргументированно критиковать не саму ситуацию, а фундаментальное (системообразующее) в ней (длительность обсуждений, сложные и нелогичные компромиссы и т.д.), то со временем формируются другие установки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Единство немислимо вне общего подхода к его созданию, поддержанию и развитию. Подчас складывается впечатление, что американцы со свойственным им напором больше «заботились» о внешних рамках и внутренних вызовах, немцы же часто несли ответственность за выравнивание – функционирование механизмов работы баланса и равноправного сотрудничества. Вопрос о приоритетности каждого из направлений подобной политики в продлении существования НАТО остаётся дискуссионным.

Любопытно и другое: дисбалансы в альянсе и недовольство американско-германским сотрудничеством заставляли искать иные компенсационные и дополняющие форматы. Шмидт чётко обосновал необходимость одного из них: «Без тесного альянса с Францией» мы чувствовали бы себя «чрезвычайно зависимыми от смены американских президентов, у которых нет достаточного опыта» [1: 1539].

К этому, наверняка, следует добавить ситуативность претензий на идейное (со)лидерство и его продуктивность. Длительное время на роль (со)лидеров претендовали немцы. В настоящее время центр (со)лидерства, кажется, временно переместился в «новую Европу».

Впрочем, многие исследовательские вопросы остаются открытыми. Речь, прежде всего, идёт о прогнозировании того, в каком направлении поменяются взаимное давление, содержание уступок, претензии на новые роли и сами роли, ответственность и равенство в НАТО.

ИСТОЧНИКИ

1. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1981 / Möller H., Schöllgen G., Wirsching A. (Hg.). München: Oldenbourg Verlag. 2012. 2252 p.
2. Reagan R. 1990. Erinnerungen: ein amerikanisches Leben. Berlin: Propyläen, 781 p.
3. Reagan R. 1985. Ich vertraue auf Gott: Präsident Reagans Äusserungen zu Glaubensfragen und ihre Auswirkungen auf die Nation und die Welt. Uhlningen; Seewis: Stephanus-Ed., 168 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аничкин О.Н. 1981. Сто дней президентства Рейгана. *США: экономика, политика, идеология*. № 5, с. 42-46.
- Гарбузов В.Н. 2001. Рейган и реиганизм (Историографический очерк). *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 2, с. 60-79.
- Иванян Э.А. 1984. Как Рейган оказался в Белом Доме. *Вопросы истории*. № 8, с. 94-113.
- Никонов В.А. 1989 Рональд Рейган. *Вопросы истории*. № 2, с. 69-83.
- Осипова Н.В., Рогов С.М. 1981, США и Ближний Восток при администрации Рейгана. *Соединенные Штаты Америки и Канада: научно-информационный бюллетень*. № 29, с. 54-82.
- Синдеев А.А. 2021. Трансформации трансатлантического сотрудничества: США и ФРГ в НАТО (1980 г.). *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 5, с. 69-83. DOI: 10.31857/S268667300014783-1

REFERENCES

- Anichkin O.N. 1981. Sto dnei prezidentstva Reigana. USA: Economics, Politics, Ideology. No 5, P. 42-46.
- Bierganns C. 2021. Geistige Nachrüstung: Ronald Reagan und die Deutschlandpolitik der U.S. Information Agency 1981-1987. Berlin;Boston: De Gruyter, 522 p.
- Garbuzov V.N. 2001. Reagan i reiganizm (Istoriograficheskii ocherk). USA & Canada: Economics, Politics, Culture. No 2, P. 60-79.

Ivanyan E.A. 1984. Kak Reigan okazalsya v Belom Dome. History issues. No 8, P. 94-113.

Keller P. 2008. Neokonservatismus und amerikanische Außenpolitik: Ideen, Krieg und Strategie von Ronald Reagan bis George W. Bush. Paderborn;München;Wien;Zürich: Schönigh, 344 p.

Knüpfer C. 2010. Ideen, die die Welt verzerren: das Machtstreben der US-amerikanischen Neokonservativen seit 1989. Marburg: Tectum-Verl., 148 p.

Nikonov V.A. 1989. Ronal'd Reigan. History issues. No 2. P. 69-83.

Osipova N.V., Rogov S.M. 1981. SShA i Blizhnii Vostok pri administratsii Reigana. United States of America and Canada: scientific newsletter. No 29. P. 54-82.

Sindeev A.A. 2021. Transformatsii transatlanticheskogo sotrudnichestva: SShA i FRG v NATO (1980 g.). USA & Canada: Economics, Politics, Culture. No 5. P. 69-83.

DOI: 10.31857/S268667300014783-1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИНДЕЕВ Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Российская Федерация, Москва 125009, Моховая ул.,3В

Alexei A. SINDEEV, Doctor of Sciences (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. 11-3B, Mokhovaya St.

Статья поступила в редакцию / Received 30.05.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 16.06.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 17.06.2022.